

Бондарчук Елена Михайловна

ФЕНОМЕН ДЕСТРУКТИВНОГО СЛОВА В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Статья посвящена сопоставительному исследованию поэтики романов "Братья Карамазовы" и "Доктор Живаго". Внимание автора сосредоточено на феномене "пустословия" ? одном из аспектов семантической парадигмы "ложного", связанной с образом катастрофичного бытия. Рассмотрен ряд персонажей ? носителей деструктивного типа сознания, выявлена совокупность общих черт, которые раскрывают их типологическую близость.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

VECTOR SPACES, RELEVANT TO THE SYSTEM OF THE MODERN GERMAN LANGUAGE

Boikova Irina Borisovna, Ph. D. in Philology
Moscow State Pedagogical University
r@mpgu.edu

The article makes an attempt to reveal the types of vector spaces, relevant to the modern German language. A vector space is a space with an initially given direction or initially given inner orientation. Relevance is defined as an ability of the language to orient objects with reference to given space. In the article several types of vector spaces are described, the classes of objects are named which may be categorized as representatives of this or that type, language means exercising the orientation of the objects with the reference to vector spaces are shown.

Key words and phrases: the German language; vector space; orientation; categorization; adverb.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена сопоставительному исследованию поэтики романов «Братья Карамазовы» и «Доктор Живаго». Внимание автора сосредоточено на феномене «пустословия» – одном из аспектов семантической парадигмы «ложного», связанной с образом катастрофичного бытия. Рассмотрен ряд персонажей – носителей деструктивного типа сознания, выявлена совокупность общих черт, которые раскрывают их типологическую близость.

Ключевые слова и фразы: катастрофичность; «пустое» слово; семантика «ложного»; двойники; субъектные формы; персонажи-аннигиляторы.

Бондарчук Елена Михайловна, к. филол. н., доцент
Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королёва
(национальный исследовательский университет)
elenabondar@yandex.ru

**ФЕНОМЕН ДЕСТРУКТИВНОГО СЛОВА В РОМАНАХ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Б. Л. ПАСТЕРНАКА[©]**

Изображение кризисного времени, для которого характерны «гигантские сдвиги и неожиданные столкновения таких общественных укладов, таких систем сознания, которые раньше совсем не приходили друг с другом в соприкосновение», объединяет внешне разных по типу мышления художников Ф. М. Достоевского и Б. Л. Пастернака [5]. Хаотически-турбулентные процессы распадающейся бытийной целостности – объект внимания писателей в романах «Братья Карамазовы» и «Доктор Живаго». Отражением катастрофического состояния мира у Ф. М. Достоевского является разрушительная динамика в пространстве «внутреннего человека», обусловленная противоречиями, эмоциональной и интеллектуальной напряженностью, эгоистичностью. В романе Б. Л. Пастернака катастрофизм обнаруживает себя в серии исторических катаклизмов, которые составляют агрессивный «фон», довлеющие «внешние обстоятельства», разрушающие частную жизнь отдельной личности.

В художественном сознании Ф. М. Достоевского и Б. Л. Пастернака катастрофические тенденции связываются с семантической парадигмой «ложного, обманного, мнимого», которая в целом не имеет однозначно отрицательной валентности, а формирует множественность смыслов, заключенных в обстоятельствах, пространстве, времени, действиях героев. Исследователь Р. Бэлнэп говорит об особенно активном использовании данных смыслов в романе «Братья Карамазовы» [3]. С очевидной избыточностью они присутствуют в поэтике «Доктора Живаго».

Данная статья обращена к субъектному аспекту парадигмы «ложного, обманного, мнимого», который, ввиду большого объема, будет рассмотрен лишь отчасти: в связи с персонажами-аннигиляторами, чья разрушительная сила сосредоточена в «пустом» слове, возникающем при разрыве связи между означающим и означаемым, между знаком и реальностью. Праславянское **pustь* родственно древне-прусскому «*fraustge*» / «дикое место» [2]. Этимологически корень «пуст» имеет семантику «отчужденного», «находящегося на низшей ступени развития», «грубого», «мрачного». «Пустое» слово выступает в функции разобщения людей, т.к. замкнуто на самом себе.

В «Братьях Карамазовых» «пустое» слово находится вне истины и связывается с семантикой «ложного» – одним из выражений «духа небытия». Его носителем является триада персонажей-лгунов: Федор Павлович Карамазов, помещик Максимов, купец Горсткин (Лягавый), для которых ложное слово – определяющий компонент их образа жизни. Антиномия «ложного» – «истинного» возникает в завязке сюжетного действия, в первом значительном событии – семейном собрании в монастыре. Она реализуется, во-первых, субъектно: через

поляризацию позиций Карамазова и Зосимы, Карамазова и других участников собрания; во-вторых, внесубъектно: совмещением хронотопа монастыря и кельи, связанных с сакральными смыслами, с виртуальным хронотопом «ложной» реальности, созданной пустословием старшего Карамазова. Шутовской разгул старшего Карамазова (экспансивность поведения, демагогический захват вербального пространства), создает фальшивую атмосферу и предельно диссонирует с хронотопом монастыря. Сознательное актерство Карамазова, по мнению Н. М. Чиркова, парадоксально: в нем «есть своя доля искренности... Маска у героев Достоевского слишком плотно прирастает к лицу» [8, с. 41-42]. Персонажу ведома рефлексия, углубление в себя и обнаружение «истины» о собственной лжи. Карамазов, входя в образ, способен испытывать волнение, как бы веря своим собственным словам и одновременно уличая себя в игре. «Ведь ты лжешь, старый бесстыдник, ведь ты актер и теперь, несмотря на весь твой “святой” гнев и “святую” минуту гнева» [4, с. 87]. Его саморазоблачающие реплики имеют черты диатрибы: критичность, энергичность, патетичность, риторичность в сочетании с разговорностью. «А лгал я, лгал решительно всю жизнь мою, на всяк день и час», – заявляет Карамазов. В этом откровении он довольно близко подходит к границе искреннего выражения чувства раскаяния. В следующей реплике: «Воистину ложь есмь и отец лжи!» – его патетика достигает кульминации, но разрешается не очищением чувств, а на сочетании «*отец лжи*» соскальзывает в пустоту словоговорения: «Впрочем, кажется, не отец лжи, это я все в текстах сбиваюсь, ну хоть сын лжи, и того будет довольно» [Там же, с. 53]. «Пустое» слово стремится к избыточности, утверждая свою власть. В лавине слов Карамазова важна ремарка рассказчика, ставящая иной акцент в фарсовом характере ситуации: герой «завопил вдруг *каким-то не своим голосом*». Фраза обозначает «ложную», разыгранную эмоциональную взвинченность и одновременно указывает на «темные глубины» личности. Сюжетная «горизонталь» обретает онтологическую глубину метафизического плана. И вполне резонным становится вопрос: «Чьим голосом вопит Федор Павлович?». Хронотоп старшего Карамазова тесно связан с «духом небытия». Его «темные глубины» очевидны старцу. Все четыре этапа в поведении Зосимы: наблюдающее молчание; уход из кельи к народу и, как следствие, недолгая выключенность из разговора; наставление; поклон – содержат в себе некую недоступную лжецу Карамазову тайну (мысли, действия), которая его обескураживает и лишает возможности исказить ситуацию сразу.

«Ложное» слово Карамазова направлено на *десакрализацию и профанацию* истинных (созидательных) смыслов. Они помещаются в контекст «низких», двусмысленных ассоциаций, низводятся до уровня фарса, гротеска. Однако «балаганное» поведение Федора Павловича неоднозначно: оно не только нарушает торжественность и церемониальность таинства беседы, но и проверяет происходящее на истинность. Шутовство Карамазова меняет поляризацию «добра» и «зла», «божьего» и «дьявольского», аннигилирует установившиеся условности, создает иллюзию силы «пустого» слова, но, достигая вершины, нейтрализуется, уступая сакральным смыслам.

Инициированные старшим Карамазовым абсурд и хаос уравниваются объемным монологом-поучением и затем наставлениями старца Зосимы, в которых раскрывается сущность ложного поведения и освещается путь к истине. Лгуший живет искаженной картиной мира и, как следствие, невосприимчив (бесчувствен) по отношению к происходящему, его демагогические ходы отражают его «ложную» реальность, которая противостоит действительности. Типичная комбинация антагонистических отношений с действительностью включает три взаимосвязанных компонента: «ложь – обиду – вражду». Возможные способы противодействия лжи, обозначенные Зосимой, связаны с активной духовной работой: наблюдением – вглядыванием – распознаванием – избеганием. Монологические высказывания старца выведены за пределы оценочной позиции рассказчика, о чем свидетельствует отсутствие комментариев (ремарок) к сказанному им, и, таким образом, приближены к позиции концептированного автора. Герой, который держит слово вне оценки, выступает как субъект сознания и субъект речи, как носитель свободной «точки зрения». Исключая комментарии, автор актуализирует «влияние скрытых, внешне немотивированных подсказок», распознавание его позиции становится проблемой стилистической, идеологической, поэтической. С другой стороны, вводя в текст свой комментарий, автор неизбежно формирует «ориентацию изложения», непосредственно определяя, в каком ключе следует воспринимать реплики беседующих [9]. Монологи старшего Карамазова, как правило, дополнены сведениями о произведенном впечатлении (ремарками рассказчика): «воскликнул он с каким-то мгновенным пафосом», «вскричал вдруг», «патетически разгорячился» [4, с. 49, 52, 54], что ставит его в позицию субъекта речи, чье поведение осмысливается рассказчиком – субъектом сознания.

Аналогом «пустословию» Карамазова является «пустое говорение» профессионала-юриста – адвоката Фетюковича в заключительной сцене суда над Дмитрием, которая представляет собой «зеркало» первой сцены – собрания в монастыре. Структурное сходство сцен связано, в том числе, с антиномией «ложного» – «истинного»: 1) в «значимое» место (монастырь / суд) съезжаются разные лица, которых интересует решение важного вопроса; 2) центральная фигура события (старший Карамазов / адвокат) фарисействующая личность заинтересована не столько в установлении истины (прекращении конфликта / оправдании невиновного), сколько увлечена риторикой, самолюбованием; 3) речь и поведение Карамазова / Фетюковича театрализованы; 4) факты, слова, понятия используются для игры, но не для движения к истине («бешеная русская тройка» из речи прокурора превращается в «величавую колесницу»: «Да, из телеги колесницу сделал, – а завтра из колесницы телегу, “по мере надобности, все по мере надобности”») [Там же, с. 853, 856]. Усиленная «зрелищность» суда над Дмитрием (билеты «расхвачены», для почетных гостей приготовлены «необыкновенные» места, аплодисменты выступлению защитника) акцентирует внимание на «ложном» характере происходящего, которое развивается в сторону, противоположную истине и справедливости.

Двойниками пустослова Карамазова-старшего являются помещик Максимов и купец из крестьян Горсткин-Лягавый, отношение к которым со стороны Федора Павловича осуждающе-критическое. В сюжете намечены некоторые биографические общности с Максимовым (были неоднократно биты, находились в подчинении у жен, пережили измену жен, один получает прозвище фон Зон (Максимов), другой является таковым по факту (похотливость, убийство при постыдных обстоятельствах, суд)). Главное их сходство состоит в склонности к вранью, экзальтациям, самоуничижениям, агрессивному стыду, почти намеренным *faux pas* (бестактности, ложным шагам, некрасивым поступкам), игривым пренебрежением правдоподобием, которые выработались положением «приживальщиков». Вопрос-оправдание Калганова относительно лжи Максимова: «если он и лжет – а он часто лжет, – то он лжет единственно, чтобы доставить всем удовольствие: это ведь не подло, не подло?» [Там же, с. 481], – получает сюжетное разрешение. Безобидное пустословие Максимова оборачивается неспособностью сказать правду в нужное время и способствует, таким образом, развитию «ложного» хода событий. Свои показания на опросе свидетелей по делу Дмитрия Карамазова Максимов строит как очередную историю-анекдот из собственной жизни, где правда подменена вымыслом. Он решительно заявляет, что в руках Дмитрия видел «двадцать тысяч-с»: «Очень крупная была пачка-с, все радужные. И у Дмитрия Федоровича были все радужные» [Там же, с. 572].

Горсткин-Лягавый является «упрощенным» двойником Федора Павловича (более низкого происхождения, «на вид мужик»). Его ложные истории находятся за пределами сюжетного времени и приводятся в пересказе и в оценке Карамазова. Характеризуя Горстклина в связи с необходимостью иметь с ним дело, Карамазов дистанцируется от собственной лживой сущности, обретает возможность смотреть на «ложное» с рационально-этической позиции: «Иной раз так налжет, что только дивишься, зачем это он», «характером <...> совершенный подлец, в этом-то и беда наша общая: он лжет, вот черта» [Там же, с. 319-320]. В этой связи поучения старшего Карамазова, данные Ивану относительно того, как вести себя с Горстким, представляют собой сниженную, материалистически-конкретную параллель к наставлениям старца Зосимы. Плутовское поведение Лягавого соотносится с «темными» началами личности («по глазам ничего не разберешь, темна вода, плут»). Внешнее выражение двух его внутренних состояний можно определить по предельно конкретному признаку – бороде. В «лгушем» состоянии Лягавый «бороду гладит левою рукой, а сам посмеивается – ну, значит надуть хочет, плутует», в «нелгушем» – «бороденка трясется, а сам он говорит да сердится – значит ладно, правду говорит, хочет дело делать» [Там же, с. 320]. Нравственные наставления старца, предполагающие духовный труд («Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь в нее каждый час, каждую минуту» [Там же, с. 68]), сближаются с обыденностью и житейски упрощенными рекомендациями («гляди на бороду»), разные уровни бытия, таким образом, приводятся в соположение.

В романе «Доктор Живаго» «пустословие» героев рассматривается в контексте эпохи, исполненной катаклизмов, понимается как неспособность к созидательной деятельности, как деструктивные свойства личности, усилившиеся катастрофическими тенденциями исторического времени. Склонность к «пустословию» предельно заострена в экзотически своеобразном персонаже Максиме Аристарховиче Клинцове-Погоревших. Театральность, экзальтированность, крайняя разговорчивость, страсть к поверхностным рассуждениям на самые разнообразные темы («болтовне»), которые случайно приходят в голову, общая вербальная экспансивность – сближают Клинцова-Погоревших с Карамазовым: «Он вывалил целую кучу сведений о себе, самых фантастических и бессвязных. Грешным делом он, наверное, *привирал*» [6, с. 154]. «Болтовня» персонажа является пародией на речь-коммуникацию. В данном случае само произнесение слов и издавание звуков как таковое полностью вытесняет общение и обмен мыслями. Речь демонстрирует потерю словами живого смысла, их омертвление. Это подчеркивает символическая деталь поведения Клинцова-Погоревших – механистичная, марионеточная жестикация: «как на пружинах подскакивал на диване», «быстро-быстро потирал от удовольствия руки», «бил себя ладонями по коленкам» [Там же].

Философия, вырастающая «из чистого охотничьего вранья» и, как следствие, пустота речи сочетаются у Клинцова-Погоревших с активными авантюрными действиями: социальными экспериментами (участие в создании Зыбушинской республики – тысячелетнего Зыбушинского царства, просуществовавшего две недели), совершенными из «спортивного» интереса. Клинцов-Погоревших способствует усилению хаоса, является адептом разрушения, которое демагогически обозначается как закономерная и предварительная часть «более широкого созидательного плана» [Там же, с. 156]. Ложное содержание сознания героя опровергается действительностью, присутствие которой в разговоре актуализируется сознанием Живаго. Подмосковные березовые рощи, дачи, узкие платформы, облака пыли представляют собой элементы естественного содержания бытия, которое не нуждается в обновлении и которое невозможно механически собрать на каких-то новых началах после разрушения.

Врожденная глухонмота персонажа символизирует доведенную до физической конкретности ограниченность творческого начала личности, которая представлена как природная аномалия. Дар речи и слуха является в романе признаком причастности к творческим истокам жизни. Отстраненность от них приводит к подражательности. Обретенная персонажем в результате упражнений возможность говорить условна и искусственна: он может только воспроизводить, имитировать движение горловых мышц собеседника. И. П. Смирнов отмечает сходство ущербности Клинцова-Погоревших и Смердякова как персонажей, лишенных возможности говорить, обретших ее в определенных обстоятельствах и начавших манифестировать свою эгоистическую философию, которая строится на отрицании традиционных нравственных ценностей [7].

По отношению к ним другие герои (Федор Павлович Карамазов (гл. «Контроверза») [4, кн. III, гл. VII], Устинья (ч. V «Прощание со старым») [6, кн. I, ч. V, гл. 7]) употребляют библейский фразеологизм «валаамова ослица». Ограниченное самосознание, по мысли Ф. М. Достоевского и Б. Л. Пастернака, неизбежно приобретает разрушительный вектор.

Врожденная ущербность Клинцева-Погоревших (невосприимчивость к звукам) поставлена в соотношение с приобретенной невосприимчивостью, которая появляется у героя широкого кругозора и свободного мышления Николая Николаевича Веденяпина. Природная неполноценность и абберация сознания высокоразвитой личности представляют собой две крайние формы оторванности от жизни, некоей социальной болезни, от которой никто не застрахован. На определенном этапе (годы первой мировой войны) Веденяпин также начинает проповедовать необходимость разрушения: «частичное подновление старого здесь непригодно, требуется его коренная ломка» [6, с. 170]. Двойственность поведения Веденяпина отражает его отрицательную метаморфозу: «в обществе, и среди людей он был другим, неузнаваемым», «сознавал себя гостем в Москве и не желал расставаться с этим сознанием», «ему льстила роль политического красноречивца и общественного очарователя» [Там же]. Салонная болтовня, «щегольство», «газетная начитанность» – черты личности Веденяпина нового времени, уменьшающие его масштаб. По замечанию С. Аверинцева: «В том-то и ужас проблемы фарисея, что фарисеи, как правило, не были вульгарными лицемерами, то есть обманщиками [лицедеями], ведущими себя противно своим словам, едва от них отвернутся. Это были серьезные люди» [1]. Присоединение к идее разрушения сопровождается усреднением и неизбежной редукцией личности, приобретением однозначной заурядности суждений и «омертвлением» слова, свидетельствует об отрыве от жизненной стихии. В сюжете герой утрачивает статус субъекта сознания, субъекта речи. Информация о содержании его разговоров полностью переносится в комментарии повествователя и в одном случае характеризуется прямо оценочно – «переливание из пустого в порожнее». Позиция временщика и пустослова сближает Веденяпина с Погоревших. Николай Николаевич намерен «окунуться» в бурный отечественный водоворот и «вынырнуть невредимым» и «снова махнуть» в Альпы, только его и видали. Клинцов проверяет свои идеи в Зыбушино («безразличной точке приложения» сил), создает в местечке смуту, а затем спокойно его покидает [6, с. 170, 156].

Феномен «пустословия» выражает деструктивный характер присутствия героев в мире: их обособленное, атомизированное существование вне всякой ответственности неизбежно способствует разрушению бытийной основы – закона всеединства жизни. Ф. М. Достоевский связывает причины с утратой сакральной (нравственной) сердцевины личности; Б. Л. Пастернак – с нарушением восприимчивости к естественному содержанию человеческой жизни. Поэтику двух романов сближает обращение к философии действенного, созидательного слова, восходящего к божественному логосу и преодолевающего разрушительные тенденции времени.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Из проповедей [Электронный ресурс] // *Континент*. 2004. № 119. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/119/av2.html> (дата обращения: 21.07.2015).
2. Буква П – страница 81 [Электронный ресурс] // *Этимологический словарь Фасмера*. URL: <http://fasmerbook.com/r559.htm> (дата обращения: 15.07.2015).
3. Бэлине Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых». СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. 144 с.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. 896 с.
5. Луначарский А. В. О «многоголосности» Достоевского [Электронный ресурс] // <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/kritika/lunacharskij-o-mnogogolosnosti-dostoevskogo.htm> (дата обращения: 06.09.2015).
6. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: роман. Куйбышев: Кн. изд-во, 1989. 528 с.
7. Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
8. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967. 309 с.
9. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» [Электронный ресурс] // *ОТКРЫТЫЙ ТЕКСТ: электронное периодическое издание*. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1924> (дата обращения: 15.07.2015).

PHENOMENON OF THE DESTRUCTIVE WORD IN F. M. DOSTOYEVSKY'S AND B. L. PASTERNAK'S NOVELS

Bondarchuk Elena Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Samara State Aerospace University (National Research University)
elenabondar@yandex.ru

The article is devoted to the comparative study of the poetics of the novels “The Brothers Karamazov” and “Doctor Zhivago”. The author's attention is focused on the phenomenon of “verbiage” – one of the aspects of the semantic paradigm of “the false” associated with the image of catastrophic being. The paper considers a number of characters – carriers of the destructive type of consciousness, identifies a set of common features that reveal their typological affinity.

Key words and phrases: catastrophic position; “empty” word; semantics of “false”; twins; subject forms; characters-annihilators.